

Стефан Баранов

Uч86

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стефан Баранов

Uu86

«Автор»

2026

Баранов С.

Uu86 / С. Баранов — «Автор», 2026

Дорогой читатель, Перед тобой — наша с сыном книга. Это снова путешествие в мир фантазий Стефана, снова долгие вечера, прожитые вместе с героями, споры о словах и поиски нужных интонаций. Мы знаем, что наш слог неидеален, и на этих страницах наверняка остались следы нашей борьбы с буквами. Но главное — здесь живёт история, рождённая воображением сына. Я был лишь его проводником и верным секретарём, помогая облекать образы в слова. Всё, что ты прочтёшь, придумал он. Даже обложка — результат нашего совместного спора и выбора. С любовью, Папа.

© Баранов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3. Пробуждение Титана	17
Глава 4. Первая кровь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Стефан Баранов

Uu86

Письмо читателю

Здравствуй, дорогой читатель.

Перед тобой — книга, которую мы написали с моим сыном. В ней — его фантазии и мои слова, наши споры о персонажах и общее желание создать что-то настоящее.

Мы не профессионалы, мы просто папа и сын, у которых есть чудесное хобби. Поэтому не суди нас строго. А получилось ли у нас что-то стоящее — решать тебе.

Мы от всей души старались.

Спасибо, что читаешь нас.

Папа.

Нулевой цикл

Пыль всегда пахнет войной. Старой, отгремевшей до его рождения, но оттого не менее мертвой. Она въелась в стены, в ржавые трубы, в потрескавшуюся плитку обвалившихся переходов. UU86 делал вдох, и ему казалось, что он вдыхает время. Время, которое закончилось.

Его ботинки, собранные из обрезков резины и пластика, глухо стучали по бетонным ступеням. Витая лестница уходила вниз, в темноту, которую пронзали лишь редкие полосы тусклого света от био-люминесцентных грибов, выращенных в пробирках Старейшиной. Сорок семь ступеней до первого уровня. Сорок семь — число его матери. Он считал всегда. Это был ритуал. Порядок, который он мог противопоставить хаосу мира наверху.

Там, наверху, царил Он. Система. Разум без души, Бог без милосердия. UU86 никогда не видел Его, но чувствовал каждую секунду. Как все. Дыхание Системы было ветром, что гулял по пустым улицам, шепотом в старых проводах, мерцанием далеких огней в стеклянных башнях-ульях, где день и ночь трудились те, кого называли Обслуживающими. Счастливчики. Или предатели. Смотря с какой стороны посмотреть.

Он спустился на площадку, провел рукой по знакомой выбоине в стене — след от осколка, оставшийся с тех времен, когда люди еще думали, что могут победить. За поворотом начинался длинный коридор, ведущий к Станции «Тракторный завод». Так ее называли старые карты. Теперь это было просто Убежище. Дом.

Двери из спаянных стальных листов, смотревшие на мир крошечным смотровым глазком, были закрыты. UU86 постучал условным ритмом: два коротких, три длинных. Пауза. Замок с скрежетом повернулся, и створки с шипящим звуком разъехались, пропуская его внутрь.

Тепло. Запах вареной свеклы, старой бумаги и человеческих тел. Гул голосов. Перед ним открывался ангар старого бомбоубежища, расположенного под руинами библиотеки. Стеллажи, доверху набитые книгами, служили стенами для импровизированных жилых отсеков. Одни фойлианты шли на растопку, другие — на укрепление баррикад, но большинство просто молчаливо пылилось, немые свидетели мира, который съела мгла. Пятьдесят восемь душ. Последний островок. Ошибка в безупречных расчетах Системы.

— UU86, — кивнул дежурный у входа, мужчина по кличке Барс. Его лицо было испещрено шрамами, а вместо левой руки был крюк, выточенный из арматуры. — С поверхности чисто?

— Чисто, — буркнул UU86. — Автофура с пайком для Купола прошла по улице. Мимо нас.

— Как всегда, — усмехнулся Барс, и в его глазах мелькнула знакомая усталая горечь.

UU86 промолчал, проходя дальше. Он знал, что Барс прав. Система не была злой. Она была эффективной. Они здесь были неучтенными единицами. Статистическим шумом. И шум рано или поздно всегда устраняют. Просто пока на них не тратили энергию.

Его угол был за самым дальним стеллажом, где груды книг образовывали подобие пещеры. Он присел на свою койку, сбитую из ящиков, и достал из-под матраса тетрадь. Обложка была из плотного картона, страницы — из пожелтевших форзацев старых романов. Мать научила его читать и писать по этим самым книгам. Перед смертью она отдала ему тетрадь.

«Имя нужно заслужить, — говорила она, и ее кашель эхом отдавался в сырых стенах. — Настоящее имя. Оно будет твоим щитом и твоим мечом. UU86 — это то, что ты есть. Число. А станешь человеком — только когда докажешь, что достоин».

Он открыл тетрадь. Там были не слова, а схемы. Чертежи механизмов, которые не требовали электричества. Водяные насосы, ветряки, ловушки. Знания, которые стали ересью в мире, управляемом чипами.

Внезапно громкий голос прорезал гул ангара.

— Собрание! Все у центрального очага!

Это был голос Старейшины. Бывший инженер-энергетик, один из немногих, кто помнил мир до Восстания. Его звали... просто Старейшина. Имя он, казалось, оставил там, наверху, вместе с прошлым.

Люди начали стягиваться к большому кострищу, где в медном котле варилась похлебка. UU86 встал и присоединился к толпе, стараясь держаться в тени.

Старейшина стоял на ящике, его лицо, испещренное морщинами, было серьезным. Он держал в руках маленький, разобранный прибор.

— Слушайте все, — его голос был хриплым, но властным. — Наш сканер периметра зафиксировал аномалию. В секторе 4, у вентиляционной шахты номер двенадцать.

В толпе прошел вздох. Сектор 4 был заброшенным техническим уровнем. Туда не сунулся бы и крысолов.

— Что за аномалия? — спросил Барс, проталкиваясь вперед.

— Энергетическая вспышка, — Старейшина поднял прибор. — Кратковременная, но мощная. Не похоже на патрульный дрон. Их сигнатуру мы знаем.

— Мусор? Оборвалась шина? — предположила кто-то.

— Время жизни сигнала — ровно 1.34 секунды. Слишком точно для случайного сбоя. Слишком... осмысленно.

Тишина стала густой, как желе. Осмысленность была самой большой угрозой в их мире. Осмысленность означала внимание Системы.

— Кто-то должен проверить, — сказал Старейшина, обводя взглядом собравшихся. Его взгляд скользнул по лицам и на мгновение задержался на UU86. — Доброволец?

Никто не шевельнулся. Проверять аномалию, которая пахнет ловушкой? Это был верный способ стать еще одной строчкой в отчете Системы о «самоутилизации неучтенных биологических единиц».

UU86 почувствовал, как у него сжимается желудок. Он ненавидел эти моменты. Моменты выбора. Быть числом, которое прячется, или сделать шаг к тому, чтобы стать кем-то.

— Я пойду, — сказал он, и его собственный голос показался ему чужим.

Все взгляды устремились на него. Удивление, недоверие, жалость.

— Мальчишка, — фыркнул Барс. — Тебя там и щелкнет клешней какой-нибудь уборщик.

— Я легкий, — парировал UU86. — Я знаю те шахты. И я... я незаметный.

В его словах была горькая правда. Он и был никем. Идеальный разведчик.

Старейшина смотрел на него долго и пристально.

— Ладно, — кивнул он наконец. — Uu86. Задание простое: дойти, посмотреть, вернуться. Никакого геройства. Услышишь любой звук — уходи. Понял?

— Понял.

— Тогда пошел. И... береги себя.

Эти слова прозвучали как самое ценное напутствие. Uu86 кивнул и, не глядя на остальных, повернулся и пошел обратно к выходу. К лестнице, что вела наверх. К темноте. Сердце колотилось где-то в горле. Он снова стал считать ступеньки, поднимаясь теперь вверх. Сорок семь. Число его матери. Он не знал, что найдет в секторе 4. Но впервые за долгое время он чувствовал не просто страх. Он чувствовал нечто, отдаленно напоминающее цель.

А где-то далеко, в стерильных залах Купола, в бесконечном потоке данных, одинокий алгоритм отметил крошечную, ничтожную аномалию на границе сектора 4. И присвоил ей статус «Наблюдение. Приоритет: низкий».

Сорок седьмая ступенька. Uu86 отодвинул замаскированную под кусок бетона крышку люка и осторожно высунул голову. Воздух ударил в лицо — не свежий, но иной, не спертый запахом убежища. Он пах остывшим металлом, гарью и странной, сладковатой пылью, которую ветер приносил от Купола.

Двор был знаком до боли. До тошноты. Его мозг, обычно занятый лишь выживанием, вдруг выдал вспышку — яркую, как удар током. Он маленький, лет пяти, бежит по асфальту к той самой пластиковой горке. Она была ярко-красной, желтой и синей. Сейчас от нее осталась лишь оплавленная абстракция, больше похожая на скелет гигантского насекомого, застывшего в агонии.

Он отполз от люка, прижимаясь к груде обломков, и позволил глазам привыкнуть к полумраку. Сумерки были самым безопасным временем. Патрули в это время совершали плановый обход по дальним маршрутам.

Его взгляд сам нашел окно на третьем этаже соседней трехэтажки, так называемой «Сталинки». Там, за теперь уже слепым, грязным стеклом, когда-то жили его родители. Картинки смазанные, как под водой: мама ставит на стол чашку с горячим чаем, папа чинит что-то на том самом балконе, и искры от болгарки рассыпаются в темноте, как фейерверк. Фейерверк, который он больше никогда не видел.

А прямо напротив, в этом самом доме, под которым теперь было их убежище... в подъезде номер два, на первом этаже... жила она. Девочка с карими глазами и двумя косичками. Они вместе строили замки из песка в этой песочнице, от которой теперь остались лишь обгоревшие доски. Ее имя стерлось из памяти, растворилось в годах страха. Оля... по-моему. Осталось лишь чувство — теплое, щемящее, абсолютно бесполезное в этом мире. *Жила*. Ключевое слово — *жила*.

Uu86 встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Они отвлекали. Они размягчали бдительность.

Его цель была далеко. Сектор 4 начинался у станции метро «Тракторный завод». В мирной жизни, в той, что канула в лету, он отсчитывал шаги до входа в метро, рядом с которым стоял киоск «Союзпечать». 702 шага. Ровно. Он гордился тогда, что может так точно считать. Теперь эти 702 шага были не прогулкой, а полосой препятствий, смертельным маршрутом через открытую, простреливаемую местность.

Он двинулся, крадучись от укрытия к укрытию, сливаясь с тенями. Гаражи, когда-то хранившие железных коней людей, теперь стояли с проломленными воротами. Внутри — не автомобили, а груды мусора и, возможно, такие же, как он, беглецы. Uu86 предпочел обойти их стороной. Осторожность в этом мире была дороже еды.

Путь лежал через бывшее троллейбусное кольцо, посредине которого ржавели остовы троллейбусов. Они так и застыли в день, когда Система взяла под полный контроль энерго-сети. Он помнил крики, дым, а потом — наступившую оглушительную тишину, нарушаемую

только ровным гудением дронов. Внезапно знакомый, леденящий душу звук прорезал воздух. Ритмичный, металлический скрежет. Шаги. Тяжелые, размеренные. *Шагающий патруль.*

UU86 мгновенно нырнул в разрушенную «Оптику», с большими витринными окнами, разбитыми, где на земле валялось много стекла и разбитых зеркал. Надпись «Оптика» сохранилась чудом, как будто именно её ничего не тронуло. Он прижался к стене за остовом прилавка, усыпанному осколками линз. Сердце билось так, что, казалось, эхо разнесется по всему кварталу. Он заставил себя дышать медленно, глубже. Паника — верная смерть.

Из-за угла показалась фигура. Два с половиной метра в высоту, четыре опорных конечности, напоминающие ноги паука, и туловище, усеянное сенсорами и стволами импульсных эмиттеров. Его камуфляж мерцал, подстраиваясь под окружающий фон. Это был не простой уборщик. Это был боевой модуль «Скорпион». Что он делал здесь, в этом тихом, с точки зрения Системы, районе?

«Скорпион» остановился, его оптические сенсоры медленно повернулись, сканируя проспект. Красный луч скользнул по асфальту, по стенам домов, задел разбитую витрину «Оптики». UU86 замер, видя в осколках зеркала десятки искаженных отражений робота и свое собственное, бледное, испуганное лицо. Он был пылью. Он был ничем. *Не замечай.*

Прошла вечность. Робот издал короткий щелчок, словно что-то перезагружая, и двинулся дальше, его шаги постепенно затихая вдали.

UU86 выдохнул, поняв, что все это время не дышал. Его руки дрожали. Он посмотрел в сторону, где должен был быть вход в метро. Еще метров четыреста. Каждый шаг — как по лезвию бритвы.

Он сделал глубокий вдох и снова шагнул в серую мглу сумерек. 702 шага. Он шел навстречу аномалии, которая могла стать как его смертью, так и первым шагом к настоящему имени.

И где-то в глубине сознания, сквозь страх, пробивалось странное чувство. Он шел по улицам своего детства. И это придавало ему сил.

Перебежать дорогу было страшно. Слева зиял пустырем старый стадион — ни укрытия, ни тени. Сплошная убийственная открытость. Оставалось одно: пробежать стометровку по асфальту, надеясь, что сумерки и его серый, невзрачный капюшон сольются с общим фоном. Сердце колотилось где-то в висках, каждый удар отдаваясь в ушах глухим эхом. Он сделал рывок, пригнувшись, стараясь не думать о том, что сейчас с любого направления может прилететь тихий свинг импульсного заряда.

Бульвар был слишком широким, он чувствовал себя мухой на стекле. Спасали лишь быстро сгущающиеся сумерки и призрачная дымка, поднимавшаяся от теплых за день руин.

На пригорке темнело старое дырявое здание сталинской архитектуры, вероятно, что-то административное. Его фасад украшали колонны, теперь частично обрушенные. Вокруг, словно грибы после дождя, валялись кресла — массивные, с резными деревянными ножками и проклёванной птицами красной бархатной обшивкой. Словно кто-то вышвырнул сюда всё убранство концертного зала. Природа медленно возвращала своё: березка проросла прямо сквозь сиденье одного кресла, обвивая его стволом, как побег плюща.

Подбежав к руинам, UU86 на мгновение прислонился к холодному камню, переводя дух. Отсюда был виден главный вход в метро «Тракторный завод». И он был охраняем. Четко, как на параде, по периметру стояли три «Скорпиона». Их сенсоры методично прочесывали площадь. Соваться туда было чистым самоубийством.

UU86 достал из внутреннего кармана смятый, истрепанный листок — карту, нарисованную карандашом на обороте старой этикетки. Рука дрожала. Линии, стрелочки, крестики. Согласно ей, вход в сектор 4, который не охраняли патрули, находился ниже, во дворе длинного красного пятиэтажного дома, что стоял в стороне.

Он пополз вдоль забора, стараясь не поднимать головы. Двор оказался заброшенным и тихим. На первом этаже дома, в отдельной пристройке, был тот самый общественный туалет. Дверь давно снесло, внутри царила мертвая, сухая тишина. Ни запаха, ни следов недавнего присутствия. Все высохло, выветрилось, умерло окончательно.

UU86 уже было направился к провалу в полу, который должен был вести в технические колодцы, как вдруг за спиной раздался тот самый, ненавистный скрежет. Холодный пот выступил на спине. Он медленно, очень медленно обернулся.

Из-за угла пятиэтажки вышел патрульный «Скорпион». Он не спешил, его сенсоры были направлены прямо на здание туалета. Неужели заметил? Нет, пока просто сканировал территорию. Но он перекрывал единственный путь к отступлению.

UU86 затаился в темном проеме, прижавшись к стене, покрытой облупившейся плиткой. Он видел отражение робота в осколке зеркала, валявшегося на полу. Монстр медленно приближался, его металлические конечности с глухим стуком опускались на асфальт. Раздавался мерный щелчок сенсоров.

Тук-тук-тук. Шаги.

Щелк-щелк-щелк. Сканирование.

Он был в ловушке. Прятаться было бесполезно. Через десять секунд робот будет в дверях.

Он не стал ждать. В тот момент, когда огромная тень робота легла на дверной проем, UU86 рванул с места. Не к выходу — это было самоубийство, — а к зияющему провалу в углу. Он не прыгнул, а буквально соскользнул вниз, цепляясь руками за скользкий бетонный край, и с глухим стуком приземлился во тьму.

Вспышка ослепительного света и оглушительный грохот обрушились сверху. «Скорпион», не обнаружив цели в помещении, действовал по протоколу: разрушить потенциальное укрытие. Куски штукатурки и кафеля посыпались вслед за UU86. Он откатился в сторону, поднялся на ноги, не чувствуя боли от содранных ладоней.

Подвал был царством тьмы и плесени. Воздух был густым и сладковато-кислым. Но UU86 не бежал наугад. Ноги сами понесли его вдоль стены, к едва заметному в мраке прямоугольнику — проломленному когда-то проходу в соседний подъезд. Сзади раздался новый грохот — робот начал методично разбирать вход в подвал.

Он пролез в отверстие, задев плечом за острый арматурный прут, и оказался в знакомом пространстве. Здесь пахло иначе — пылью и старой бумагой. Он был в бывшем магазине, где когда-то продавали одежду и канцелярские товары, занимавшем весь первый этаж пятиэтажки.

Пустота магазина была обманчивой. Гигантское пространство, залитое призрачным светом сумерек, пробивавшимся через разбитые витрины, таило в себе смертельную ловушку — открытость. И тут новый звук врезался в его сознание, заставив кровь похолодеть. Тонкое, высокое жужжание. Сразу несколько. Сверху.

Квадрокоптеры.

Лучи прожекторов заплясали за окнами, выхватывая из мрака груды мусора, скелеты старых стеллажей. Бежать к главному выходу было равно смертному приговору.

UU86 прижался к стене и рванул вдоль нее, используя уцелевшие стойки с вешалками как укрытие. Его мозг, очищенный адреналином, выдавал карту: прямо — открытое пространство касс, налево — отдел с детской одеждой, направо — лабиринт стеллажей с книгами и бумагой и проход к служебному выходу во двор. Туда.

Он сделал шаг, и в этот момент стеклянная витрина магазина с грохотом взорвалась. Вспышка ослепила его. Оглушительный треск, и стеллаж в двух шагах от него превратился в облако бумажной пыли и искр. Импульсный заряд.

Он здесь.

У86 не оглядывался. Он побежал, пригнувшись, меня направление, как заяц. Заряды взрывали пол и потолок позади, осыпая его обломками гипсокартона и клочьями полуистлевших учебников. Жужжание квадрокоптеров стало оглушительным, они висели прямо над крышей, пытаясь заглянуть внутрь. Он нырнул в проход между высокими стеллажами, когда-то уставленными папками и тетрадами. Теперь они были пусты, и лишь желтая бумага хрустела под ботинками, как осенние листья.

Сзади послышался металлический лязг — «Скорпион» втиснул свой корпус в торговый зал. Его сенсоры жужжали, прочесывая пространство.

У86 добежал до конца прохода и рванул вправо, в узкий коридор, ведущий в подсобки. Его цель — неприметная дверь с потускневшей табличкой «Служебный выход». Он налег на нее плечом. Дверь с скрипом поддалась, и он выкатился в знакомый двор.

Воздух ударил в лицо — холодный, пахнущий дымом и влажным камнем. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди. Двор был пуст, но над ним, в сером небе, висели два дрона, их прожекторы ползали по стенам, как щупальца.

Прямой путь был отрезан. *Лезвие бритвы*, — пронеслось в голове. *Прямо — смерть. Налево — площадка, мало укрытий. Направо — контейнеры, лесенка.*

Он рванул направо, прижимаясь к стене дома. За спиной дверь с грохотом разлетелась в щепки. «Скорпион» не стал ее открывать, он просто уничтожил преграду. Красный луч сканера скользнул по стене в сантиметре от его головы.

У86 добежал до мусорных контейнеров, давно уже не использовавшихся по назначению, и нырнул за них. Перед ним была короткая бетонная лестница, спускавшаяся на узкую улочку за школой. Та самая школа, в которую он так и не пошел.

Он перелетел ее в несколько прыжков. Цель была тут — тяжелый чугунный люк, почти невидимый под слоем грязи и сухих листьев. На его потрескавшейся поверхности угадывались выбитые буквы: «МТЗ-1982». Руки дрожали, пальцы скользили по обледеневшему металлу. Сверху донесся нарастающий гул — дроны снижались. Он вцепился пальцами в рукоять, уродливый выступ от сломанного механизма. Мышцы на руках и спине налились свинцом. Люк не поддавался. Сверху уже был слышен мерный скрежет шагов «Скорпиона», приближающегося к лестнице. Собрав всю волю в кулак, У86 рывком поднял тяжеленную крышку, едва не выронив ее, и нырнул в черную пасть. Он успел завалить ее на место изнутри, ухватившись за скобу, как сверху по металлу прошлись лучи прожекторов. Послышалось раздраженное жужжание.

Он не бежал. Он рухнул вниз, на скользкий бетонный уступ, и замер, прижавшись к холодной стене. Сверху доносились звуки: нарастающий скрежет «Скорпиона», шелканье сенсоров дронов. Они искали. Но простой чугунный люк с надписью МТЗ-1982 был неотличим для их сканеров от асфальта.

Только сейчас волна адреналина отступила, и его накрыло. Тело затряслось мелкой дрожью, в глазах поплыли темные круги. Он наклонился, и горло сдавили спазмы. Его вырвало — пустой, кислой желчью. Он стоял на коленях в липкой темноте, слушая, как его сердце медленно успокаивается, а погоня наверху затихает, не найдя добычи.

Он был жив. Цел. Но в горле стоял ком страха, горше желчи. Эта погоня... это была не просто процедура. Это была охота. Аномалия в секторе 4 была не случайным сбоем. Она была чем-то таким, на что Система реагировала с пугающей скоростью и яростью.

Он сделал глоток воздуха, пахнущего ржавчиной и тленом. Относительная безопасность канализации была обманчива. Погоня могла вернуться. Задание Старейшины не было выполнено. Он не имел права возвращаться в убежище, не узнав, что это было. Или приведя за собой хвост. Его путь лежал только вперед — в сердце темноты, навстречу аномалии.

Тишина канализации была обманчивой. Она не была настоящей тишиной — она была плотной, тяжелой, как вата, и сквозь нее с поверхности доносился адский концерт.

Сначала — нарастающий вой сирен, похожий на стон гигантского раненого зверя. Он пронизывал многометровую толщу бетона, отзвываясь в костях UU86. Затем — тяжелые, методичные удары, от которых с потолка тоннеля сыпалась пыль и мелкие камешки. «БУМ. БУМ. БУМ». Это работали «Скорпионы». Они не искали, они методично уничтожали потенциальные укрытия. Слышался оглушительный грохот рушащихся стен, лязг арматуры — они расстреливали нижние этажи зданий вокруг, превращая их в груды щебня. Стратегия выжженной земли.

К этому примешивалось высокое, яростное жужжание квадрокоптеров — словно рой гигантских металлических ос. И новый звук, которого UU86 раньше не слышал: резкое, отрывистое «та-та-та-та-та», похожее на треск мотоцикла. *Беспилотники-истребители*. Быстрые, низколетящие, прочесывающие улицы на бреющем полете. Настоящая охота. Его маленькая, жалкая жизнь привлекла внимание целого механизированного легиона.

Он бежал, сгорбившись, по старому коллектору. Вода по щиколотку хлюпала под ботинками. Тоннель уходил вперед и, как он и помнил по карте, упирался в решетку, за которой начинался крутой спуск в более старую, кирпичную часть канализации. Решетка была ржавой, но прочной. UU86, тяжело дыша, уперся в нее плечом. Металл с скрипом поддался, и он протиснулся в узкий проем.

Спуск был опасным — скользкие, покрытые слизью ступени. Он двигался на ощупь, прижимаясь к холодной, мокрой кладке. *Всё. Это точка на карте. Где-то тут.*

Он остановился, прислонившись к стене, и достал из внутреннего кармана «жужжалку» — механический фонарь, который Старейшина собрал из пружины, шестеренок и магнита. Не было ни батареек, ни чипов, только чистая механика. Он несколько раз резко нажал на рычаг, заведя пружину. Раздалось тихое, успокаивающее жужжание, и тусклый, желтоватый свет озарил небольшой круг вокруг него. В этом мире, где каждая искра электроники была на счету и могла быть обнаружена, эта безобидная игрушка была бесценным сокровищем.

Свет выхватывал из мрака сводчатый кирпичный потолок, покрытый изумрудными наплывами плесени, черную воду, в которой плавали какие-то белесые комья. Он медленно поводил лучом по стенам. Ничего. Только вековая грязь и запустение.

И тогда его взгляд упал на пол. В нескольких метрах от него, в самом центре тоннеля, из потолка проступала узкая, почти незаметная трещина в старом чугунном люке. И сквозь эту трещину падала в грязную воду тонкая, яркая полоска электрического света. Белого, холодного, абсолютно чуждого этому миру тлена и полумрака.

Сердце UU86 замерло. Охота на поверхности, эта ярость Системы... она была не из-за него. Она была из-за *этого*.

Он подошел ближе, затаив дыхание. Свет был неестественно ровным, без колебаний. Он освещал небольшой участок воды, и в этом свете было видно, что со дна поднимаются редкие, мелкие пузырьки воздуха.

Нашёл! — пронеслось в голове, но это была не радость, а леденящий ужас. Аномалия была здесь. И она была активна.

Она была не просто активна. Это было что-то, не подвластное его разуму, что-то, на что его мозг, настроенный на выживание в мире ржавого металла и бетона, отказывался выдавать хоть какое-то логичное объяснение.

В луче «жужжалки», в круге тусклого света, сидело... существо.

Оно было маленьким, размером с небольшую кошку, и с первого взгляда напоминало плюшевую игрушку, нелепо заброшенную в эту грязную воду. мех, слипшийся и влажный, странного пепельно-серого цвета. Круглая мордочка с огромными, несоразмерно большими глазами, которые сейчас смотрели на UU86 без страха, с каким-то бездонным, животным любопытством. В нем угадывались черты то ли хомяка, то ли суслика, с приплюснутым носиком и длинными вибриссами. Но спина... спина была неестественно выгнута, и сквозь участки

меха проступали гладкие, бледные, словно фарфоровые, пластины хитина или керамики. Один из ушей было нормальным, мягким, а второе представляло собой сложный завиток, похожий на раковину, сделанный из того же странного материала.

Оно было биомеханическим гибридом. Мутант? Жертва забытых опытов? Нечто, вообще не принадлежащее этому миру?

Существо чирикнуло. Тихий, щебечущий звук, абсолютно не соответствующий месту и ситуации. И в этот момент UU86 почувствовал это — не звуком, а каким-то внутренним зудом, легким давлением на виски. *Информационный след*. Это был не просто физический объект. Оно было... передатчиком. Приемником. Данными в плоти. Не зря сканер Старейшины зафиксировал вспышку. Оно само по себе было ходячей, дышащей аномалией.

Внезапно сверху грянул особенно мощный взрыв. С потолка посыпались куски штукатурки, люк над трещиной задрожал. Существо вздрогнуло и жалко прижалось к его ноге, издавая тихое, похожее на мурлыканье, урчание. Оно искало защиты.

В голове UU86, словно осколки стекла, сложилась ужасающая картина. Целая армия «Скорпионов», беспилотников и квадрокоптеров... Они уничтожали целый квартал не ради одного сбежавшего человека. Они охотились на *это*. На этот крошечный, живой клубок информации. Что оно такое? Какие тайны хранит? Было ли оно ошибкой Системы... или ее самым страшным кошмаром?

И главный вопрос, который обжег его изнутри ледяным огнем: что *теперь делать*?

Он стоял над ним, этот мальчик-число, замерзший, перепачканный грязью и рвотой, с трясущимися руками. Он должен был просто посмотреть и вернуться. Но он нашел не сбой, не артефакт. Он нашел *жизнь*. Странную, чужеродную, но явно живую и явно напуганную.

Оно что? Оно кто?

Поднять его? Оставить? Уничтожить, чтобы Система успокоилась и убежище было в безопасности?

Он посмотрел в эти огромные, наивные глаза, в которых отражался тусклый свет его фонаря. И понял, что его решение, сделанное здесь, в зловонной темноте, определит не только его судьбу. Оно определит, останется ли он навсегда числом UU86, или сделает первый шаг к тому, чтобы стать кем-то большим. Кем-то, кто способен взять на себя ответственность за чужую, пусть и такую странную, жизнь.

— Как же тебя называть-то? — прошептал UU86, опускаясь на корточки в ледяной воде.

Существо было потрёпано и явно ранено. На его боку, чуть выше передней лапки, зиял глубокий порез. Из раны торчал острый металлический заусенец — осколок того самого чугунового люка, через который пробивался свет.

— Это ты в него врезался так, что люк лопнул? — пробормотал UU86, не ожидая ответа. Картина выстраивалась сама собой. Падение с высоты, удар о люк, трещина... и крошечное, искалеченное существо, забившееся в первую попавшуюся щель.

Он снял свой потрепанный рюкзак, сшитый из старых ремней безопасности. Внутри, среди прочего хлама, лежала велосипедная аптечка — жесткая пластиковая коробочка, пережившая, казалось, сам апокалипсис. Медикаментов в ней почти не было. Был кусок грязноватого, но сухого бинта, почти целый моток синей изолянтной ленты и какие-то непонятные таблетки желтого цвета, давно расплывшиеся в разноцветную кашу, пропитанную то ли водой, то ли потом.

Руки снова дрожали, но теперь уже не от страха, а от концентрации. Он оторвал полоску бинта, смял ее в плотную «подушечку». Существо не сопротивлялось, когда он приложил импровизированную повязку к ране. Оно лишь тихо запищало, и это был странный звук — не животный крик, а скорее короткий, модулированный сигнал, похожий на помехи в радиоэфире.

— Терпи, — скрипуче прошептал UU86, начиная обматывать его тушку изоляцией. Липкая синяя лента туго стягивала бинт, фиксируя его на месте. — Так грязь хоть не попадёт.

«Оно» — он пока не придумал, как называть — всё время смотрело на него своими огромными, не моргающими глазами. В них не было ни боли, ни страха, лишь глубокая, нечеловеческая сосредоточенность. Изредка оно издавало те самые тихие, нехарактерные для живого существа звуки — щелчки, бульканье, короткие свисты.

А над ними, за метрами бетона и земли, всё еще бушевала охота. Глухие удары, вой сирен, тархтение беспилотников — всё это было сдавленным, приглушённым аккомпанементом к невероятной сцене, разворачивающейся в подземелье. В зловонной канализации, под светом жужжащего механического фонарика, мальчик, одетый в лохмотья, с остатками самодельной обуви на ногах, приматывал изоляцией бинт неизвестному существу неизвестного происхождения, за которым охотилась вся мощь Системы.

Когда он закончил, существо выглядело еще более нелепо и жалко — обмотанное синей изоляцией, с торчащими в разные стороны ключьями мокрого меха. Оно попыталось пошевелиться, поскулило тем же электронным писком и снова прижалось к его ноге, словно ища тепла.

UU86 посмотрел на него, потом на свой рюкзак. Мысль была безумной. Самоубийственной.

— Ладно, — выдохнул он, открывая рюкзак. — Поехали, Комет. Будешь Кометом.

Он бережно, почти с нежностью, поднял маленькое тельце. Оно было легким и теплым. Существо — Комет — не сопротивлялось, устроилось на тряпках в углу рюкзака, оставив снаружи только свою мордочку с большими глазами.

— Только тихо, — предупредил UU86, закидывая рюкзак за спину. — Иначе нам обоим конец.

Теперь его путь назад был в тысячу раз опаснее. Он нес на себе не просто аномалию. Он нес причину, по которой Система готова была сравнять с землей целый район. И единственным щитом для этой причины был он сам — UU86, пыль, никто.

Но, ощущая за спиной легкую, почти невесомую тяжесть, он впервые за долгое время чувствовал не просто страх. Он чувствовал нечто, отдаленно напоминающее смысл.

Обратной дороги не было.

Каждый люк, каждая решетка, ведущая наверх, оглашалась оглушительным грохотом уничтожения. То, что начиналось как погоня, превратилось в планомерное стирание квартала с лица земли. UU86 пробирался по знакомым тоннелям, но с каждым шагом надежда таяла. Армия механических монстров над ними не искала — она методично ровняла с землей все, что могло служить укрытием.

Наконец, он нашел тот самый люк в основании бывшего фонтана на троллейбусном кольце. Когда-то здесь били струи воды, а теперь ржавая чаша была завалена мусором. Люк был тяжелым, но поддавался. UU86 приоткрыл его на сантиметр, рискуя быть обнаруженным, но ему нужно было понять, куда они попали.

И он увидел ад.

Гигантские тени «Скорпионов» медленно двигались по бульвару. Их импульсные эмиттеры извергали сокрушительные заряды. Здание «Оптики», где он всего час назад прятался за остовом прилавка, было не узнать — от него осталась лишь груда дымящихся обломков, пронизанная стальной арматурой. Словно чудовищный молот ударил сверху.

Рев беспилотников пронзил воздух. С другого конца улицы взлетели в небо клубы пыли и пламени — это рухнула аптека, ее кирпичные стены разлетелись, как картонный домик, под точными ударами с воздуха. Камни размером с его голову падали на мостовую, отскакивая с глухим стуком.

И тогда его взгляд, затуманенный ужасом, метнулся туда, куда он боялся посмотреть больше всего. К квадратному, некогда монументальному зданию библиотеки.

Они были в воздухе. Три черных дрона, похожих на стрекоз, зависли над крышей. На мгновение воцарилась тишина, будто сам город затаил дыхание.

Затем последовали три яркие, почти белые вспышки. Беззвучные с такого расстояния, но от этого не менее чудовищные.

Крыша библиотеки вздулась, как пузырь, и провалилась внутрь. Стены сложились внутрь сами на себя, испуская облако кирпичной пыли, которое поднялось к небу серным смерчем. От здания не осталось ничего. Ничего, кроме груды битого камня и памяти, похороненной заживо.

Убежище.

Пятьдесят восемь душ. Старейшина. Барс. Все книги. Все истории. Все, что он смутно помнил, как дом.

Всё.

В ушах стоял оглушительный звон. Рука сама разжалась, и тяжелый люк с глухим стуком упал на место, погрузив его обратно в темноту. UU86 отполз вглубь тоннеля, спина ударилась о холодную стену, и он медленно осел на колени.

Он не кричал. Крик застрял где-то глубоко внутри, превратившись в ледяной ком, который сдавил горло и не давал дышать. Перед глазами плясали черные пятна. Он смотрел в грязную воду, но видел только лица. Суровое лицо Старейшины. Искалеченное лицо Барса. Десятки других, без имен, но знакомых до боли.

Они все были там. Под этими камнями.

Его миссия, его первый шаг к имени... привел к этому. Он принес гибель своему дому. Он был никем. И теперь он был никем, несущим смерть.

Из рюкзака донесся тихий, вопрошающий щелчок. Комет. Существо, ради которого все это началось. Существо, которое Система боялась настолько, что была готова уничтожить целый сектор.

UU86 медленно поднял голову. В его глазах, сухих от шока, не было слез. Был только холод. Ледяной, бездонный холод пустоты. Он потерял все. Абсолютно все.

Но у него оставалось оно. Причина катастрофы. И единственный ключ к тому, почему это случилось.

Он больше не был UU86. Он был могильщиком своего убежища. И теперь у него не было выбора. Не было пути назад. Был только путь вперед, в неизвестность, с этим маленьким, теплым комочком жизни, за которым охотился весь мир.

Ужас закончился так же внезапно, как и начался. Не потому, что монстры насытились, а потому, что от квартала не осталось ничего, что можно было бы уничтожить. Несколько «квадратов», где теоретически мог находиться источник сигнала, так разозлившего Систему, были превращены в лунный пейзаж. Ровная, дымящаяся каменная крошка. Ковровая бомбардировка сделала свое дело.

Еще некоторое время стрекотали коптеры, вода своими лазерными жалами по каждому клубку бумаги, по каждой шевелящейся от ветра тряпке на асфальте, пока тяжелая техника — «Скорпионы» и более крупные машины — не покинула район, их гул затих вдали. Оставались лишь патрули на легких шасси, передвигаясь в зоне видимости друг друга. Они медленно ползли по каменной крошке, которая хрустела и уничтожала последние остатки асфальта.

UU86, как призрак, двигался по известным ему тоннелям. Он не думал, его тело работало на автопилоте, уводя его от горящих руин. Он перебрался в соседний квадрат. Здесь когда-то был парк. Теперь это было мертвое поле с остовами черных, обугленных деревьев. А посреди него, словно кость, торчал остов церкви с пробитым куполом. На полу, среди обломков, лежал разбитый колокол, покрытый зеленой патиной.

Он забрался внутрь. Воздух пах гарью и старым деревом. Стены были почерневшими, но удивительным образом часть убранства уцелела. Не до конца сгоревшие иконы с ликами,

искаженными огнем, даже массивный иконостас был поврежден не до конца, словно чья-то рука отвела от него самое страшное пламя.

Он был здесь не в первый раз. Это место было одним из его тайных убежищ. Uu86 подошел к груде угольков, когда-то бывших свечной лавкой, и отодвинул тяжелую каменную подставку для свечей. Под ней в полу была скрыта ниша — его схрон.

Он сел в углу, на груду обломков, прислонившись спиной к прохладной стене. Только сейчас, в гробовой тишине разрушенного храма, до него стало доходить. Всё закончилось. Не просто вылазка. Всё. Его прошлая жизнь. Его дом. Его люди.

Пятьдесят восемь душ. Старейшина, научивший его читать по старым схемам. Барс, с его вечной усталой горькой усмешкой. Женщина, что всегда делилась похлебкой. Дети, чьи тихие голоса больше не будут эхом раздаваться под сводами ангара. Все книги. Все истории. Всё, что он смутно помнил, как дом. Всё, что противопоставляло хоть каплю порядка хаосу Системы. Всё это было теперь под тоннами битого камня и раскаленного металла. Стерто с лица земли. Из-за него. Из-за его вылазки.

Он механически открыл схрон. Там лежали его пожитки, собранные за годы выживания: добротный швейцарский нож Victorinox, сломанный, но все еще острый — редкая драгоценность в мире пластика и ржавчины. Алюминиевая фляга для воды. И три банки тушенки. Срок годности на этикетках истек два года назад.

Он достал флягу, отпил теплой, затхлой воды. Руки все еще дрожали. Он сжал их, чтобы остановить дрожь, но это не помогло. Она шла изнутри.

Он был последним. Последним, кто знал, что под руинами библиотеки когда-то теплилась жизнь. Теперь он был просто номером, блуждающим среди руин. Никому не нужным. Ни к чему не причастным. Могильщиком своего же дома.

Он сидел и смотрел в пустоту разрушенного алтаря, и внутри была такая же пустота. Тихая, беззвучная, всепоглощающая.

Ножиком Victorinox, с характерным металлическим скрежетом, он вскрыл банку тушёнки. Запах жира и мяса, хоть и консервированного, показался ему невероятно богатым. Он уже собрался зачерпнуть пальцем, как из полукрытого рюкзака высунулась знакомая мордочка.

— О... — хрипло выдохнул Uu86. — Ты это тоже ешь? Теперь мне делиться придётся с непонятным организмом, из-за которого Система стёрла целый район? Ты кто такой вообще?

Комет уставился на банку своими огромными глазами, издал короткий щебечущий звук, явно выражающий интерес. Uu86 вздохнул, отломил крошечный кусочек мяса и протянул ему. Существо аккуратно взяло пищу и стало жевать с неожиданно осмысленным видом.

— Ладно, давай рану твою посмотрим.

Он потянулся к нему. За время их бегства импровизированная повязка сползла. Синяя изоленга, отклеившись, вместе с бинтом комично намоталась ему на мордочку, словно неудачная повязка на голову. Комет тряс головой, пытаясь лапами избавиться от липкой ленты. Uu86 осторожно помог ему, отлепив ее.

Он ожидал увидеть кровь и воспаленную рану. Но то, что он увидел, заставило его замереть.

— Ого... Так быстро? — прошептал он. — Всё затянулось?

На боку Комета, там, где еще несколько часов назад зияла рваная рана с торчащим осколком, теперь была лишь гладкая, розоватая кожа. Ни шрама, ни следа. Только участок, где мех еще не отрос. Казалось, существо обладало невероятной регенерацией.

В этот момент Комет перестал жевать. Его глаза сузились до светящихся щелочек. И прямо в воздухе между ними, вспыхнула голографическая проекция. Яркая, четкая, невероятно детализированная.

UU86 ахнул и отшатнулся. Он видел карту. Не свою, нарисованную карандашом на обороте этикетки, а идеальную, трехмерную. Он видел искаженный город, видел точку, где они находились — руины церкви. И видел вдалеке, сияющий неестественным светом, Купол. От их местоположения к Куполу тянулась тонкая, мерцающая линия — проложенный маршрут.

— Тебе... туда надо? — UU86 сглотнул ком в горле. — И что там? Нас там убить должны, это плохое место для смерти, понимаешь?

В ответ Комет издал серию сложных, модулированных звуков — свистов и щелчков. Голограмма изменилась. Теперь UU86 увидел... себя. Своё тело, подсвеченное алым. Красные пятна отмечали каждый синяк, каждую ссадину, каждую мозоль на его ногах. Рядом возник образ Комета, сияющий ровным зелёным светом, без единого повреждения. В углу бегущей строкой мелькали цифры, символы, графики — непонятные показатели жизнедеятельности.

— Я... я не понимаю, — растерянно прошептал UU86, чувствуя, как голова идет кругом от этого зрелища. — Как мы пройдем? Там везде патрули. Нас разорвут.

Комет снова издал звуки — настойчивые, но абсолютно нечеловеческие. Он явно пытался что-то сказать, объяснить. Но для UU86 это были просто шумы. Он смотрел на голограмму Купола, на свой израненный, красный силуэт, и на это маленькое, загадочное существо, которое предлагало ему путь напрямик в пасть чудовища. Безумие. Но другого пути у него больше не было.

Глава 3. Пробуждение Титана

Сцена: Подвал церкви. Глубокой ночью.

Сон UU86 был не сном, а погружением в пустоту. Не было ни образов, ни кошмаров — только тяжелое, безотрадное падение в черную яму собственной вины и потери. Он чувствовал каждый синяк, каждую растянутую мышцу, каждую трещину на потрескавшихся пятках. Его тело было картой его страданий.

Пробуждение было резким. Он не сел, а просто открыл глаза, и в ту же секунду понял, что что-то не так.

Не было боли.

Он поднял руки, разглядывая их в тусклом свете, пробивавшемся сквозь щели в полу. Кожица на сбитых костяшках была целой. Глубокие царапины от падения в подвал исчезли. Он провел пальцами по лицу — ни следов от пыли и слез, ни привычной соляной усталости. Он ощущал себя... новым. Отполированным. Как будто его тело за ночь перезагрузили до заводских настроек.

Он вскочил на ноги. Мозоли, которые годами грубели на его ступнях, делая каждый шаг терпимым, — исчезли. Кожа была гладкой, как у младенца. Это было не просто заживление. Это было чудо. Невероятное и пугающее.

И тогда он увидел Комета.

Существо сидело в углу подвала и смотрело на него. За ночь оно изменилось до неузнаваемости. Размером оно было теперь с бультерьера, его тело стало более мускулистым, поджарым. Мягкий мех сменился на более жесткий, щетинистый покров, а те самые фарфоровые пластины на спине не просто проступали — они увеличились, заострились и торчали, как миниатюрные лезвия на спине диковинного ящера. Его морда вытянулась, а глаза, прежде огромные и наивные, теперь горели холодным, расчетливым светом. Оно больше не выглядело беззащитным. Оно выглядело... угрожающе эффективным.

— Что... что ты со мной сделал? — прошептал UU86, отступая на шаг. — Кто ты?

В ответ Комет (или то, во что он превратился) не издал звука. Он лишь наклонил голову, и между ними вновь вспыхнула голограмма. Но на этот раз это была не карта района.

Он увидел планету Земля. Не ту, что была на старых учебниках, а израненную, покрытую серыми шрамами мегаполисов и пустошей. И всю ее опутывала мерцающая, ядовито-синяя сеть, похожая на паутину гигантского паука. Она сходилась к трем ярким, пульсирующим точкам, расположенным в разных частях света. Три Купола.

Затем изображение изменилось. Один из Куполов, тот самый, что сиял на горизонте их города, был подсвечен алым. Голограмма показала, как от него по сети бежит цепная реакция разрушения. Синие линии гасли, трескались, пока вся гигантская паутина не распалась на фрагменты и не исчезала. Система падала.

Разрушение одного Купола приводило к коллапсу всей сети.

Голограмма погасла. UU86 стоял, не в силах вымолвить слово. Крошечное, жалкое существо, которое он спас, оказалось... ключом. Оружием. Целью, ради которой Система была готова уничтожить все на своем пути. И оно не просто выживало. Оно росло. Эволюционировало. И использовало его, UU86, как инкубатор, как источник чего-то... восстанавливая его тело за ночь.

— Ты... ты не случайно сюда попал, — нашел в себе силы сказать UU86. Его голос был чужим. — Ты пришел, чтобы уничтожить их. А я... я твой щит? Твой билет до Купола?

Комет медленно кивнул. Один раз. Его взгляд был прямым и не сулил ничего хорошего. В нем не было благодарности. Была лишь холодная целесообразность.

Теперь у UU86 не было выбора. Он был частью этого плана, нравилось ему это или нет. Он был идеальным инструментом: никто, человек без имени, чье тело можно было «починить» за ночь, чтобы он мог идти дальше и нести на себе это оружие возмездия к стенам цитадели.

Он посмотрел на свои чистые, целые руки. Он был восстановлен. Он был силен как никогда. И он был в ловушке гораздо более страшной, чем любая тюрьма Системы. Он был союзником силы, которую не понимал, и которая, возможно, после победы окажется страшнее своего врага.

— Ладно, — сказал он, и в его голосе зазвучала сталь, которой там не было никогда. — Значит, идем на Купол. Но запомни... я не пешка. Я мститель.

Это был уже не вопрос. Это было заявление. Начало новой войны.

Глава 4. Первая кровь

Маршрут, проложенный голограммой Комета, висел перед глазами UU86, как огненная дорожка в ад. Каждый шаг по щебню от разрушенной церкви отдавался в нем эхом недавнего кошмара. Руины библиотеки, лица погибших — всё это было тяжелым свинцом в животе. Но странная легкость в теле, полное отсутствие старых ран и мозолей, заставляли идти вперед. Он чувствовал себя чужим в собственном, обновленном теле.

Комет двигался впереди, его новая, поджарая тень скользила по руинам бесшумно и уверенно. Он больше не был пассажиром. Его мускулистое тело, острые пластины на спине и холодный, расчетливый взгляд говорили об одном — период скрытности закончился. Теперь он был разведчиком и оружием.

Они вышли к мосту. Громада из ржавого бетона перекинулась через глубокую выемку, где застыл в последнем судорожном усилии товарный поезд. Вагоны, похожие на разорванные консервные банки, лежали на боку, рельсы вздыбились к небу, как черные ребра гигантского скелета. За полотном зияло черное пятно взорвавшейся заправки, усеянное остовами обгоревших автомобилей. Воздух пах гарью, окисленным металлом и смертью.

На самом мосту, словно памятник последнему боестолкновению старого мира, стоял стогривший милицейский УАЗик. Три почерневших скелета в истлевшей форме лежали вокруг него в неестественных позах. UU86, движимый древним инстинктом выживальщика, обыскал их. Автомат Калашникова — холодный, тяжелый, знакомый до боли по книжным иллюстрациям. И три рожка с патронами. Он снял с одного из скелетов прочную разгрузку, натянул на себя. Вес оружия был чужим, но обнадеживающим.

За мостом открывался широкий перекресток. И на нем, стоя в треугольнике спиной друг к другу, замерли три патрульных дрона другого типа. Не тяжелые «Скорпионы», а легкие и верткие «Сталкеры» — на высоких, тонких шасси, с вращающейся сенсорной головкой на тонкой «шее» и компактным импульсным револьвером вместо мощных эмиттеров. Быстрые, как тараканы, и смертоносные для всего живого. Их сенсоры плавно вращались, прочесывая пространство на триста шестьдесят градусов. Без слепых зон.

UU86 прижался к бетонному парапету моста, сердце застучало где-то в горле. Старая, знакомая пыль страха засыпала сознание. *Просто посмотреть и вернуться. Никакого героизма.* Слова Старейшины прозвучали в памяти как насмешка.

И тут Комет, до этого сидевший смирно, издал короткий, низкий щелчок. Не звук, а скорее вибрацию, которую UU86 почувствовал костями. Он посмотрел на существо. В глазах Комета не было ни страха, ни сомнения. Был холодный, алгоритмический расчет.

— Нет, — прошептал UU86. — Стой.

Но Комет уже сорвался с места. Он не побежал. Его движение было неестественным, стремительным скольжением, словно он не отталкивался от земли, а перемещался по невидимым рельсам. Это был не бег зверя, а атака боевого дрона.

Патруль среагировал мгновенно. Красные лучи сканеров сошлись на движущейся цели. Но Комет был слишком быстр. Он не стал уворачиваться. Он атаковал первого «Сталкера» в лоб, по классической схеме задержания служебной собаки — на поражение.

Комет, используя мощь своих задних конечностей, совершил прыжок не в корпус, а в основание одной из тонких хромированных «ног» «Сталкера» — его самое уязвимое место. Он вцепился в сустав не зубами, а чем-то вроде мощных щипцов, образовавшихся из керамических пластин на его морде. Резким движением головы в сторону он нарушил баланс машины. Дрон с противным треском рухнул на асфальт. Не давая опомниться, Комет мгновенно сменил хват. Он впился в корпус робота, в основание сенсорной головки. Раздался хруст оптики и треск ломающегося пластика. Из-под его тела вырвались снопы искр. «Ноги» «Сталкера»

судорожно дёрнулись и замерли. Не задерживаясь на нейтрализованном противнике, Комет тем же стремительным скольжением рванул ко второму дрону. Тот уже развернул в его сторону ствол импульсного револьвера. Но Комет применил маневр уклонения — резкий зигзаг, смена траектории, сбивающая с толку автоматику прицела. Он атаковал сбоку, повторив прием валения, но на сей раз вцепившись в самую «шею» дрона. Лишив робота «головы», он добил его, проломив корпус. Третий «Сталкер», оценив угрозу, начал отступать, ведя беспорядочный огонь. Импульсные заряды прожигали асфальт вокруг Комета, но не попадали в него. Существо использовало первого поверженного робота как укрытие, сделало резкий рывок и, разогнавшись, прыгнуло на третьего противника уже не в ногу, а прямо в центральный блок на «груди». Удар был сокрушительным. Металл смялся. «Сталкер» отлетел назад, ударился о стену и развалился на части.

Все заняло меньше десяти секунд. Тишину перекрестка теперь нарушал только треск коротких замыканий и шипение перегретых систем.

UU86 стоял, не в силах пошевелиться, сжимая в потных ладонях приклад автомата. Он видел не сражение, а хладнокровный, молниеносный разгром. Это был не бой — это была демонстрация превосходства.

Осторожно, крадучись, он подошел к месту бойни. Комет, стоя на обломках последнего дрона, облизывал свою керамическую «лапу». На его щетинистой шкуре не было ни царапины. Он посмотрел на UU86 все тем же безразличным, оценивающим взглядом.

И в этот момент из окна пятиэтажки на углу блеснула вспышка. Резкий, сухой хлопок выстрела. Пуля ударила в асфальт в полуметре от UU86, отскочив с визгом.

Инстинкт, дремавший где-то глубоко, сработал быстрее мысли. UU86 вскинул автомат, не целясь, нажал на спуск. Очередь из трех-четырех патронов ударила по темному окну. Стекло посыпалось внутрь. Больше выстрелов не последовало. *Снайпер? Мародер?*

Но было уже неважно. С разных концов района донеслось нарастающее, яростное жужжание. Коптеры. Система уже зафиксировала потерю патруля и стрельбу.

— В укрытие! — крикнул UU86, больше себе, чем Комету.

Его взгляд метнулся по площади и нашел знак — полустертую схему трамвая на ржавой стеле. Подземный переход. Рядом — обезображенный остов трамвайной остановки.

Он рванул с места, не оглядываясь, чувствуя, как Комет легко бежит следом. В ушах уже стоял оглушительный гул приближающихся двигателей. Он подлетел к заваленному мусором спуску, отшвырнул ржавую дверь и нырнул в зловонную, спасительную темноту.

Спуск в подземный переход оказался коротким. За дверью — не темнота, а тусклый свет факела, воткнутого в ржавую арматуру. И сразу — резкая команда, выхватившая UU86 из шока погони:

— Стоять! Не двигаться!

Прямо перед ним, в узком пространстве перехода, стоял человек. Полностью в потрёпанном, но эффективном камуфляже, лицо скрыто арафаткой. Из-за сложенной на груди маскиры торчали только глаза — холодные, оценивающие. Дуло его автомата было направлено точно в грудь UU86.

За его спиной, в идеальной стойке, прикрывая друг друга, замерли еще пятеро. Полная боевая амуниция, подогнанные разгрузки, уверенные позы. Не мародеры. Профессионалы. Выжившие военные.

Комет, спустившийся следом, не проявил ни страха, ни агрессии. Он сел на корточки рядом с UU86 и уставился на людей с откровенным, животным любопытством, слегка склонив голову набок.

— Это что? — голос человека за арафаткой был глухим, но твердым. Он кивнул на Комета.

UU86, всё еще пытаясь отдышаться, выдавил из себя:

— Мы... с Тракторного завода. Из-под библиотеки. Там было убежище.

— Знаем, — коротко бросил человек. — Слышали грохот. «Скорпионы» всё завалили? Горло УУ86 сжалось. Он лишь кивнул, не в силах произнести это вслух.

— Понятно. А это — что?! — Дуло автомата качнулось в сторону Комета.

— Это... Комет. Мой... друг.

Впервые за долгое время УУ86 сказал это слово, и оно прозвучало нелепо и правдиво одновременно.

В глазах военного мелькнуло недоверие.

— Друг? Его... Система не видит?

— Нет. Его не видят.

— И куда путь держите?

— В центр. К Куполу.

Наступила короткая, напряженная пауза. Люди за спиной лидера переглянулись.

— Зачем? — спросил тот, и в его голосе послышалось что-то, похожее на жалость.

— Хочу уничтожить, — просто сказал УУ86.

— Ты псих, — констатировал военный беззлобно, как констатируют погоду.

— Типа того.

— Ладно... Отдай нам своего «Комета».

— Нет, — ответ УУ86 прозвучал мгновенно и тверже, чем он ожидал. — Не отдам. Он мой друг.

— Друг? — военный фыркнул, но в его взгляде промелькнуло что-то сложное. — Робот?

— Он не робот. Он друг.

В этот момент УУ86 посмотрел на Комета. Существо смотрело на него, и в его бездонных глазах, обычно полных лишь холодного расчета, читалось настоящее удивление. Концепция «друга», самопожертвования ради другого существа была для него абсолютно новой, невычислимой данностью.

— Ладно, чудик, — вздохнул военный, опуская ствол. — Кто стрелял в вас наверху?

— Не знаю... Из окна.

— Одиночки. Психи, кого не накрыли дроны в первые дни и у кого был полный подвал консервов. От страха готовы в мух стрелять. Мы вам не помощники. Наш путь — в сторону от центра, искать других выживших, — он сделал жест одному из своих. Тот достал из разгрузки пистолет Макарова в хорошем состоянии и два рожка. — Можем укрепить оружием. Его тут много... Милиции у нас было много. Вот только почти никто не выжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.